

СТАНОВЛЕНИЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Из древней истории ближневосточных стран наибольший интерес в России, как и в других европейских государствах, проявлялся к Египту.

Более или менее постоянные связи России с Египтом относятся к XI в. Как правило, это были паломничества в Святую землю, родину Христа, которые почти неизменно сопровождались заходом или заездом в Египет — страну, тесно связанную с его жизнью. Многие «Хождения» издавались еще старым Палестинским обществом. Однако интересной египтологической информации в них мало.

Из всех «Хождений» выделяется сочинение В. Григоровича-Барского¹, во-первых, тем, что это не просто паломничество, а настоящая командировка, а во-вторых, тем, что он сопровождает свой рассказ рисунками, и притом неплохими, и, наконец, самое главное — в его описании дана первая копия древнеегипетской иероглифической надписи². Копия сделана с одной стороны александрийского обелиска, так называемой «Иглы Клеопатры» (в 1868 г. он был увезен в Нью-Йорк). Для человека, не имевшего навыка в этом деле и не знакомого ни с иероглифами, ни с египетским языком, эта копия — несомненное достижение. Ее дата — 1730 г.

Можно было бы ожидать, что положение России на Ближнем Востоке после падения Константинополя приведет к контактам с «инославной» церковью Египта — коптской; этого, однако, не происходит. Нет интереса ни к коптам (прямым потомкам древних египтян, до сих пор сохраняющим язык, восходящий к тому, на котором говорили основатели первого государства в истории человечества, жившие пять тысяч лет назад), ни к коптским книгам. К ним относились как к схизматикам.

Интерес же к Древнему Египту, стране фараонов, и иероглифическому письму документально засвидетельствован уже для XVII в., когда по дипломатическим каналам была наведена справка о загадочной «азбуке знаками лиц», в которой пытался разобраться монах-иезуит Афанасий Кирхер³.

В 1799 г., во время экспедиции Бонапарта в Египет, была найдена знаменитая Розеттская надпись — трилингва на средне-, позднеегипетском и на греческом языках⁴, впервые давшая реальные надежды на дешифровку иероглифов. С публикации камня началась интернациональная работа над дешифровкой. Созга, Окерблад, де Саси, Янг (Юнг) — все внесли свой вклад в дело дешифровки, но полностью этот подвиг удалось совершить все же одному человеку — Ж.-Ф. Шампольону⁵.

Ученые России не остались в стороне от вопроса, волновавшего весь культурный мир, однако их выступление было неудачным. Клапрот и И. А. Гулянов (см. ниже) были противниками Шампольона. Конечно, долгое время вопрос о том, действительно ли удалась Шампольону дешифровка или нет, оставался открытым, и самое строгое критическое отношение к его результатам, строго научное *sub judice*, казалось оправданным, более того, необходимым. Но где-то была перейдена граница, до которой успех (разумеется, вместе с Шампольоном) еще был возможен для каждого. После же все труды Гулянова, Зейфарта⁶, Улеманна — уже холостой ход науки. Между тем каждый из них вне дискуссий, где

¹ Григорович-Барский В. Странствования по Святым местам Востоке с 1723 по 1747 г. Ч. 1–4. СПб., 1885–1887.

² Там же. Ч. 2, с 162–163 (табл.).

³ Wauch D. Cl. Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive. — Oxford Slavonic Papers. N. S., 1977, vol. 10, с. 46–50

⁴ На русском языке наиболее полный обзор обстоятельств находки и ее исследований дан И. Г. Лившицем. См. сл. примеч.

⁵ См.: Лившиц И. Г. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном. — Шампольон Ж.-Фр. О египетском иероглифическом алфавите. [Л.], 1950.

⁶ О Зейфарте см.: Blumenthal E. Altes Ägypten in Leipzig: Zur Geschichte des Ägyptischen Museums und des Ägyptologischen Instituts an der Universität Leipzig. Lpz., 1981.

доходило до ругательств (и Шампольон этим грешил), удивительно симпатичен в своей искренности, преданности делу и даже доброте и внимательности ко всем.

К доброжелательству досель я не привык,

И странен мне его приветливый язык,—

писал Гульянову Пушкин в «Ответе анониму»⁷. Если бы такой тон сохранял и Шампольон в своих спорах с Гульяновым!

Все же, не оказав влияния на развитие египтологии, труды этих ученых (у Зейфарта, впрочем, имеет значение его работа над реставрацией Туринского царского папируса) важны для научной истории дешифровки, если таковая когда-нибудь будет написана. До сих пор мы имеем дело лишь с краткими обзорами поверхностно-журналистского характера⁸.

Открытие Египта для науки, работа по дешифровке поставили вопрос о создании коллекций в странах Европы и их научном издании. В создании коллекций Россия шла в ногу с Европой. Первая национальная, как мы сказали бы теперь, коллекция была приобретена Россией в 1824 г.⁹, примерно в то же время, когда появились соответствующие собрания в Германии, Франции и Италии.

Еще раньше начинается формирование частных коллекций, хотя пока не удалось выявить ни одной коллекции в России, восходящей к XVIII в., и ни одного памятника, о котором было бы точно известно, что он привезен в нашу страну до царствования Александра I. Вместе с тем относительно двух памятников из наших собраний можно, вероятно, сказать, что они были приобретены и привезены в Россию еще в XVIII в. Это статуи сановника Мире (Мери-рау, Мареа) в рижском Музее зарубежного искусства и царя Рамсеса VI в днепропетровском Историческом музее. Последняя (всего лишь вторая в нашей стране целая царская статуя) происходит из коллекции графа де Кэлус (1692–1765), известного знатока и собирателя древностей.

Интерес к Египту в ту пору был общеевропейским, являлся вопросом европейской культуры. Неудивительно, что он прежде всего проявился в форме коллекционирования, и притом у подданных России из западных провинций (Прибалтика, Польша). Самые первые коллекции были составлены в начале XIX в. И. П. Бларамбергом, О. И. Сенковским, П. Медемом. К сожалению, история этих коллекций (у Сенковского только один папирус) до сих пор не изучена, если вообще может быть реконструирована. Все же кое-что существенное известно.

Так, И. П. Бларамберг, основатель музея в Одессе (так называемый Городской музей) и его первый директор, передал в 1826 г. в этот музей свою коллекцию египетских древностей, всего около двух десятков предметов¹⁰. Время сбора коллекции приходится, стало быть, на первую четверть века. Неизвестно, где были приобретены эти древности: ездил ли он в Египет (никаких сведений об этом), или это европейские покупки, или же, что тоже возможно, вещи эти связаны с торговыми контактами Одессы с Востоком.

⁷ В своем послании Пушкину Гульянов выражал беспокойство по поводу предстоящей женитьбы поэта. Среди сохранившихся свидетельств дружеского знакомства Гульянова и Пушкина есть рисунок, изображающий египетскую пирамиду, с надписью рукой Гульянова: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время разговора, который я имел с ним сегодня утром о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности. Москва 13/25 декабря 1831» (Временник Пушкинской комиссии. М.-Л., 1965, с. 14–19).

⁸ Исключение составляют только что названная работа (см. примеч. 6) и сл. ст.: Куликова А. М. И. А. Гульянов и его научно-литературные связи. — Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984. Но эти работы написаны в плане биографий ученых и не имеют целью реконструкции хода дешифровки.

⁹ Ни обстоятельства покупки, ни даже точный состав ее до сих пор не ясны. См.: *Golénischeff W. L'Ermitage imperial, la collection égyptienne*. Leipzig W. Drugulin, 1891, с. V (примеч. 1 и 2). См. также первый отклик в русской периодической печати на приобретение коллекции: Египетские древности в С.-Петербурге. — Северная пчела. 1825, № 9.

¹⁰ См.: Доконт Н. Г. Древнеегипетские памятники в Одесском государственном археологическом музее. — Вестник древней истории. 1965, № 2, с. 208.

Граф Медем (по последним архивным изысканиям французского египтолога М. Ланга, еще не опубликовавшего их) путешествовал по Египту, и его небольшая коллекция — вся или большей частью — могла быть приобретена там. В 1840 г. она поступила в Губернский музей в Митаве. Среди ранних путешествий в Египет следует упомянуть и «странствия» О. Ф. фон Рихтера, собравшего в Египте ценную коллекцию древностей¹¹.

Сенковский ездил в Египет в 1821–1822 г., в пору, когда охота за древностями была в апогее, и притом выражалась в самом уродливом виде. Атмосфера лихорадки очень хорошо им передана в ряде статей¹². Впрочем, научная ценность его описания весьма невелика, даже несмотря на то, что он был первым путешественником из России, посетившим Нубию¹³.

Впрочем, в этом случае известную пользу науке он принес, скопировав надпись нубийского царя Силько, которую по его снимку издал Летронн¹⁴. Вообще, путешествуя, он возил с собой рисовальщика¹⁵, но никаких следов альбома рисунков, который он должен был привезти с собой из Египта и Нубии, отыскать не удалось. Справедливо порицая «охотников» за древностями, Сенковский под горячую руку оскорбил и людей, имеющих заслуги перед наукой. Полагая, что русская печать не доходит до культурной Европы, он довольно злобно отозвался о Дж.-Б. Бельцони, знаменитом открывателе пирамид, храмов и гробниц. Но Бельцони приехал в Петербург, и кто-то посчитал своим долгом довести до его сведения отзыв Сенковского. Разразился скандал, Бельцони напечатал апологию в «Сыне Отечества»¹⁶.

Отечественный вклад в египтологию стал принимать своеобразные черты: не только не сумели ничего расшифровать и открыть, но сразу же ухитрились обидеть и оскорбить тех, кто расшифровывал и открывал.

Папирус, вывезенный Сенковским из Египта, интересный экземпляр компиляции из заупокойных книг, был передан им в Краков старейшему университету Польши¹⁷. Университет сразу же опубликовал этот папирус¹⁸; факсимиле и дата выпуска (1827) — первая российская публикация египетских древностей. И первая польская, разумеется, с еще большим правом.

Иностранцы легко приезжали в Россию, поступали на службу и так же легко оставляли нашу страну. К собственно истории русской культуры можно отнести, конечно, только период их пребывания в России, но деятельность ученого не так-то легко поддается периодизации. Поэтому не станем обходить молчанием и труды нашего кратковременного соотечественника Г.-Ю. Клапрота, вынужденного покинуть страну в 1812 г. и с 1815 г. обосновавшегося в Париже. В России он выступал как синолог, но в силу распространенного, по крайней мере, с XVIII в., мнения о тождестве или сходстве китайской и египетской иероглифических систем он занялся и этой последней, принял самое горячее участие в дискуссии по дешифровке, в которую не внес как будто ничего положительного, но сумел при этом сделать работу, полезную для египтологии, опубликовав коллекции шведского дипломата Н.-Г. Палина и знаменитого итальянского коллекционера Дж. Пассалаквы¹⁹.

¹¹ Тураев Б. А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях — ЗВОРАО. 1899, 11, с. 151; *Stadnikov S. Otto Friedrich von Richter in Aegyptus.* — Looming. Tallinn, 1985, № 1, с. 109–114,

¹² Собрание сочинений Сенковского... Т. 1, 1858, с. 1–187.

¹³ Там же, с. 24.

¹⁴ Савельев П. О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XXXVII.

¹⁵ Собрание сочинений Сенковского... Т. 1, с. 127.

¹⁶ Савельев П. О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XXXVII и сл.

¹⁷ *Andrzejewski T. Papyrus Senkowskiego.* — *Przegląd Orientalistyczny.* Warszawa, 1954, № 4 (12), с. 393–494.

¹⁸ *Senkowski S. Exemplum papiri Aegyptiacae quam in peregrinatione sua repertam Universitati Cracoviensi dono dedit socius eius. Cracoviae, 1827.*

¹⁹ *Dorow W., Klaproth J. Collection d'antiquités égyptiennes recueillies par le chevalier de Palin... avec les plus beaux scarabées de la collection de M. Passalacqua. P., 1823.*

Еще ранее, чем перечисленные выше, формируются коллекции коптских рукописей П. П. Дубровского и графа П. К. Сухтелена. Первая, вероятно, восходит еще к XVIII в. Она положила начало египетскому разделу рукописного собрания Публичной библиотеки²⁰. Сухтеленевская коллекция — более поздняя. После кончины графа она поступает в основанный в 1818 г. Восточный кабинет (Азиатский музей)²¹. Рукописи обеих коллекций включены в каталоги акад. Дорна и, таким образом, являются первым вкладом нашей науки в коптологию²².

В 20-х годах начинает образовываться и древнеегипетское собрание рукописей Публичной библиотеки. Первыми поступают туда два гробничных папируса («Книга мертвых» и так называемый «Амдуат») — дар французского консула в Египте Б. Дроветти. Еще раньше эти папирусы находилась в руках барона В. Денона (впоследствии доверенного лица Наполеона по памятникам искусства, стекавшимся в Париж в результате многочисленных военных походов из многих стран). После того как папирусы попали во Францию, Денон впервые опубликовал их, и в этой публикации они стали известны Шампольону²³.

Еще при Александре I был сделан ряд работ по египтологии. Сотрудник русского посольства во Флоренции С. И. Коссаковский составил небольшую записку — обзор дешифровки по трудам Шампольона²⁴. Мемуар Г. С. Батенькова, опубликованный под литерой «Б», также знакомил с открытиями Шампольона русскую публику²⁵.

Особое место отведем атласу Рифо²⁶. Это — ценная публикация, один из атласов-монументов, которыми ознаменовалась начальная пора нашей науки. Он — один из самых ранних. «Подносной экземпляр» в Публичной библиотеке имеет посвящение русскому императору и вместо выходных данных указание, вероятно, места издания — Rue de pois. Иначе как Гороховая улица его не переведешь. Очевидно, здесь этот атлас был окончательно оформлен. Именно оформлен, поскольку таблицы литографировались у разных литографов, и притом иностранных. Помимо посвящения и упоминания улицы этот атлас к России, конечно, никакого отношения не имеет, но поскольку он важен для египтологии, то существенно, что в нашей стране находится несколько его экземпляров, так как Рифо не изготовил ни одного экземпляра, который был бы тождествен другому: то чего-нибудь не хватает, то литограф не тот, то гравёр иной, то художник. Отдельно Рифо напечатал и текст к своему атласу: эта часть посвящена герцогине Беррийской.

В 1824–1826 гг. казна приобретает большую коллекцию древностей для Петербурга. Это — коллекция К. Растильоне²⁷, которая легла в основу соответствующего собрания Эрмитажа. Впрочем, в Эрмитаж она поступила только спустя несколько лет после создания Нового Эрмитажа (1861). До этого она хранилась в специальном Египетском музее (музеуме) Академии наук, в Кунсткамере²⁸.

²⁰ О деятельности П. П. Дубровского как коллекционера см.: Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI–XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Л., 1962. О коптской части его собрания см.: *Еланская А. И.* Коптские рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Палестинский сборник. Л., 1969, 20.

²¹ *Еланская А. И.* Коптология. — Азиатский музей — ЛО ИВ АН СССР. М., 1972, с. 516–517.

²² *Dorn B.* Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Imperiale Publique de St.-Petersbourg. Academie des sciences, 1852, с. X–XI, 565–567; *он же.* Das Asiatische Museum..., с. 17, № 114.

²³ *Евгенова В. И.* О древнеегипетских папирусах собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Труды ГПБ. 1957. 2(6), с. 78.

²⁴ См.: *Лившиц И. Г.* Из истории русской египтологии: Коссаковский. Доклад о иероглифической системе Шампольона. — Палестинский сборник, 1958. 3, с. 156–170.

²⁵ *Б.* О египетских письменах. СПб., 1824. Об авторстве Батенькова см.: *Кацнельсон И. С.* Материалы для истории египтологии в России. I. Декабрист Г. С. Батеньков — автор первой русской книги о дешифровке иероглифов. — ОИРВ, Вып. 2. 1956, с. 207–231.

²⁶ *Rifeaud J. J.* Voyage en Egypte, en Nubie et lieux circonvoisins, depuis 1805 jusqu'en 1828. [P., 1830].

²⁷ О нем см.: *Dawson W. R., Uphill E. R.* Who was Who in Egyptology: A Biographical Index of Egyptologists... L., 1972, с. 55.

²⁸ О расположении экспонатов Египетского музея см.: *Ланис И. А., Матъе М. Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969, с. 7. Возникшие в 20-х годах так называемые

Нам не удалось установить, кто хранил коллекцию до передачи ее в Эрмитаж, где она оказалась в ведении акад. Л. Стефани, Дёлля и барона Б. Кёне²⁹.

В 1827 г. Академия наук приобретает ряд саркофагов у торговца древностями, греческого коммерсанта Анастаса Аверова и получает дарения (например, папирус от Лавизона из Александрии), пополнив, таким образом, коллекцию Кастильоне³⁰.

Еще об одной коллекции этого времени надо сказать. Это — собрание А. А. (О.-Р.) Монферрана, строителя Исаакиевского собора. Едва ли он имел средства формировать коллекцию до своего приезда в Петербург, так что приобретения должны были начаться с поступлением Августа Августовича на русскую службу. В некрологе о нем сказано, что приобретения делались в Петербурге и Москве, Риме и Париже³¹. В его коллекцию вошло и собрание герцога Александра Вюртембергского.

На 30-е годы приходится и интересная для египтологов деятельность А. Н. Муравьева, А. С. Норова, капитана И. П. Бутенёва и архитектора Д. Е. Ефимова.

А. Н. Муравьев совершает в 1830 г. поездку на Восток и публикует ее описание³². Благодаря ему удастся купить для Петербурга пару сфинксов из храма Аменхотепа III на западе Фив, незадолго перед тем раскопанных неким Яни³³.

А. С. Норов в 1830 г. предпринимает такое же путешествие. В результате появляется целый том, посвященный специально Египту и его древностям³⁴. Это лучшее из всего написанного русскими путешественниками о Египте и наиболее полезное для египтологов. Кроме того, Норов приобретает и привозит в Россию древности. Немного, правда, но некоторые из них представляют собой исключительную ценность. Впервые в русской науке о Египте мы встречаем попытку фиксации находок — определение места, где найдено, и при каких обстоятельствах. Конечно, не будучи ученым, Норов не проводит этот принцип последовательно, но и то, что сделано им, весьма ценно.

На 30-е годы приходится разграбление некрополя XI династии на западе Фив, причем оно коснулось как царских многоколонных гробниц (так называемых сафф), так и гробниц царских приближенных. Увы, и Норов принимает в этом участие, но до учреждения правильной охраны древностей это было делом обычным. Археологический контекст некрополя в первой половине текущего столетия должен был в 20-х годах XX в. воссоздавать американский ученый Винлок. Практически ежегодно ведя раскопки в Фивах, он собрал почти всю информацию о тех, кто вел раскопки в некрополе XI династии и вывозил оттуда вещи. «Почти», потому что он не знал о деятельности Норова.

Из гробницы одного из приближенных царя Аниотефа (Иниотеф, Антеф) в этом некрополе Норов вывез два блока гробничной стены. В результате опустошенная гробница потеряла идентификацию³⁵. Но случайно он оставил на месте уголок блока, который несколько лет тому назад был найден западногерманской археологической экспедицией, восстановившей идентификацию³⁶.

Египетские музеи сохранились до сего дня во Флоренции, Турине и Берлине. В Лондоне, Париже и Вене с самого начала египетские коллекции стали комплектовать универсальные музеи искусств. В Петербурге Египетский музей просуществовал с 1826 по 1881 г., когда был упразднен по ходатайству В. С. Голенищева и поглощен Эрмитажем.

²⁹ Сведения об этом см. в примеч. 46.

³⁰ См. примеч. 49.

³¹ Кёне Б. Собрание г. Монферрана В. Предметы египетского искусства. — Пропилеи. 1852, кн. 3, отд. 1, с. 418–420; то же на фр. яз.: *Koehne B. de. Musée de sculpture antique de Mr. de Montferrand V. Objects étrangers. I. Égyptiens.* — *Mémoires de la Société impériale d'archéologie.* 1852, 6, с. 88–97. О его коллекции см. также: Монферран А. А. Некролог. — *Известия Русского археологического общества.* 1859, 1, с. 319.

³² *Муравьев Л. Н. Путешествие по Святым местам в 1830 году.* 3-е изд. СПб., 1836.

³³ См.: *Струве В. В. Петербургские сфинксы.* — ЗКОРАО. 1913, 7, с. 20–51; *Черезов Е. В. Надписи на ленинградских сфинксах.* — *Вестник древней истории.* 1949, № 3, с. 92–100.

³⁴ *Норов А. С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.* 2-е изд. СПб., 1853.

³⁵ Речь идет о знаменитых блоках дворцового служителя, которые Норов передал в музей графа Румянцева на Английской набережной. См. также примеч. 40.

³⁶ Уголок впервые опубликован в 1973 г. (см.: *Arnold D. Bericht über die vom Deutschen Archäologischen Institut, Kairo im Winter 1971/1972 in El-Tarif durchgeführten Arbeiten.*—*Mitteilungen des Deutschen*

В Петербурге Норов коллекцию хранил у себя³⁷, но самое ценное уступил государственным хранилищам. Папирус из Фив («Книга мертвых») он передал Публичной библиотеке в 1850 г., что вместе с подобной же книгой князя Багратиона, подаренной им библиотеке в 1858 г., завершило формирование библиотечной коллекции древнеегипетских папирусов³⁸. Колоссальную статую богини Сахме/Сахмис (Сохмет), также из Фив, он передал в Академию художеств³⁹, а блоки из гробниц XI династии подарил, как уже говорилось, Румянцевскому музею на Английской набережной⁴⁰. Вообще, за исключением папируса и статуи богини, вся его коллекция поступила в этот музей частью при его жизни, частью от его наследников, когда музей по велению Александра II уже был переведен в Москву⁴¹.

Капитан И. П. Бутенёв способствовал созданию коллекции в Ревеле⁴². В 1832–1833 гг. он дважды посещал Египет (Александрию). Знаменитый коллекционер Анастаси дарит ему папирус («Книгу мертвых»), который он, в свою очередь, передает ревельскому коллекционеру д-ру Бурхарду⁴³.

Д. Е. Ефимов в 1836 г. работает в Египте, делая обмеры, планы и рисунки памятников древнего зодчества. В 1838 г. он издает в Италии брошюру о египетской архитектуре⁴⁴. Выявление и издание планов и рисунков Ефимова представляло бы значительный интерес для науки.

Неизвестны точные даты создания коллекции Лавалей⁴⁵, но уже в 1852 г. она поступает от графини Лаваль в только что открытый Новый Эрмитаж⁴⁶. Тогда же Эрмитаж получает и ценнейшие древности, вывезенные герцогом Максимилианом Лейхтенбергским во время его поездки в Египет⁴⁷.

В Египте герцог, зять Николая I, производил самостоятельные раскопки «между Сфинксом и Великой пирамидой». Ему удалось найти саркофаги членов семьи царя

Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. 1973, 29, с. 142, табл. 67), и тогда автору этих строк сразу же стала ясна атрибуция гробницы. При окончательном издании раскопок эту идентификацию произвел Шенкель (*Arnold D. Graber des alten und mittleren Reiches in El-Tarif.—Archäologische Veröffentlichungen*, 1976, 17, с. 32, 56 и сл.), которому, естественно, и принадлежит приоритет. О Берлев сумел напечатать свои выводы лишь много позднее, в 1982 г. См.: *Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow - Leningrad*, 1982, с. 64.

³⁷ Он жил на Пантелеймоновской улице, у Цепного моста.

³⁸ *Евгенова В. И. О древнеегипетских папирусах...*, с. 8.

³⁹ А. О. Смирнова-Россет описывает эту «передачу» в далеко не лестных для Норова тонах. Когда статую привезли на Пантелеймоновскую, он отказался ее принять и уж, конечно, отказался оплатить большие накладные расходы. Заплатило государство, а не нужную никому статую поставили пылиться под лестницу в Академии художеств, где она и простояла до 1852 г., когда ее купили для Эрмитажа. См.: *Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки.— Дневник. Воспоминания. М., 1989, с. 212–213. См. также работу, указанную в примеч. 28 (с. 7, 94–96).*

⁴⁰ Блоки были описаны К. Герцем (уже в Москве).

⁴¹ Наиболее полный обзор о Московском музее см.: *Московский Публичный и Румянцевский музеи: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве 1862–1912. М., 1913.*

⁴² О его деятельности см.: *Петровский Н. С. Из истории египтологии в России: «Папирус Бутенёва». — Палестинский сборник. 1959, 4, с. 175. Для истории ревельской коллекции большое значение имеет письмо И. П. Бутенёва к одному из ревельских коллекционеров, подготавливаемое к публикации Х. А. Кинк.*

⁴³ Папирус хранится в настоящее время в ЛО ИВ, куда он поступил стараниями Н. С. Петровского. Правильнее было бы его назвать «папирус Анастаси» — по первому владельцу (о нем см.: *Dawson W. R., Uphill E. R. Who was Who in Egyptology...*, с. 8), но название «папирус Бутенёва» уже вошло в обиход.

⁴⁴ *Efimoff D. E. Brevi cenni sull' architettura egiziana. Roma, 1838. См. также: Струйский Д. О египетской архитектуре и трудах архитектора Д. Ефимова. — Отечественные записки. 1840, т. 2. Смесь, с. 31–34.*

⁴⁵ О коллекции см.: *Koehne B. — Le musée imperial de l'Ermitage. SPb., 1861. с. 320–327; Golénischeff W. L'Ermitage imperial...*, с. VI.

⁴⁶ Дом Лавалей стоял на Английской набережной, рядом с Сенатом. В первую половину века на Английской набережной размещались две египетские коллекции — графов Румянцевых и Лавалей. В 70-х годах на этой набережной находился музей Голенищева, начинавший соперничать с соответствующим собранием Эрмитажа.

⁴⁷ См. обе работы, указанные в примеч. 45, а также: *Treu G. Über ägyptische Sammlung der Ermitage mit Bezugnahme auf die Todtengebräuche der alten Ägypter (Schenswürdigkeiten von St. Petersburg, 3). SPb., 1871, с. 16.*

Амасиса, намеренно поврежденные эмиссарами персидского царя Камбиза (захватил Египет при сыне Амасиса — Псамметихе III), уничтожившими память об Амасисе и его роде.

Обе коллекции, поступившие в Эрмитаж в 1852 г., — первые в этом музее, если не считать резных камней и вообще мелких вещей, которые могли быть уже в собрании Екатерины II.

В том же, 1852 г. выходит в свет и первая публикация отечественной коллекции, а именно коллекции упоминавшегося выше Монферрана. Выполнена она Б. Кёне, который, не будучи египтологом, обратился за консультацией к Э. де Руже⁴⁸. Результат этой ученой, как тогда говорили, работы чрезвычайно странен. Кёне дважды публикует свой труд (на французском и русском языках), но в обоих текстах нет ни малейших следов консультации с египтологом. В обеих статьях читателя отсылают к специальному исследованию на основе разъяснений де Руже, которое должно было выйти в свет, но никогда не было напечатано. Письмо де Руже к Кёне не обнаружено.

В 1853 г. из Академии художеств в Эрмитаж переносят, как уже говорилось, колоссальную статую богини Сахме. Несколько предметов специально для музея приобретают в Египте, в частности, у упомянутого Аверова⁴⁹.

Примерно в эти же годы комплектуется коллекция графов Тышкевичей, ставшая базой для музея в Вильно⁵⁰.

Период конца 50-х — начала 60-х годов ознаменовался не столько новыми поступлениями, сколько так характерными для старой России реорганизациями, перестройками, перестановками, переименованиями и т. д. Румянцевский музей с ценными предметами из коллекции Норова переводят в Москву. Напротив, Египетский музей Академии наук начинают раскассировать в пользу Эрмитажа. Многие еще оставляют на старом месте. Египетский музей существует и даже делает новые приобретения (из коллекции Монферрана, например), но это продолжается недолго. В 1881 г. его ликвидируют окончательно по ходатайству сотрудника Эрмитажа В. С. Голенищева⁵¹.

Помимо собирания коллекций нельзя говорить о еще какой-нибудь египтологической деятельности. Видимо, сказался неуспех Гульянова (1786–1841), создававший известный психологический барьер⁵². Работал он до последнего дня, убежденный в своей правоте. Почти за полвека своей деятельности он собрал библиотеку в 3 тыс. томов, среди которых в основном, вероятно, были труды по египтологии. Такая библиотека была бы очень полезной и теперь, а в прошлом столетии — просто неоценимой. Хоть книгами он мог оказать услугу России. Но все сложилось не так, как следовало бы.

На курорте в Германии, где лечился Гульянов, он упал. Ему оказал помощь какой-то незнакомец. Оказалось, что это Бяратинский, впоследствии фельдмаршал и наместник Кавказа. В благодарность Гульянов обещал завещать ему свою библиотеку. Бяратинский настаивал на выплате пожизненной пенсии взамен этого дара. В результате библиотека досталась человеку, весьма далекому от науки, и оказалась в месте, удаленном от тогдашних научных центров страны⁵³. В 1860 г. ее видел в Тифлисе немецкий египтолог Г. Бругш, направлявшийся с прусским посольством в Персию. Дальнейшая судьба библиотеки Гульянова египтологам неизвестна.

⁴⁸ Опубликован на двух языках; см. примеч. 31.

⁴⁹ См.: *Golénischeff W. L'Ermitage imperial...*, с. V.

⁵⁰ См. *Тураев Б. А. Описание египетских памятников...*, с. 179.

⁵¹ *Латис И. А., Матве М. Э. Древнеегипетская скульптура...*, с. 8.

⁵² Неуспех, впрочем, не признавали или, вернее, старались не признавать. На последний обобщающий труд Гульянова (*Archéologie égyptienne, ou recherches sur l'expression des signes hiéroglyphiques et sur les éléments de la langue sacrée des Egyptiens par M. de Goulianoff...* Т. 1–3. Leipsic-Dresde, 1939) вполне положительная рецензия была помещена в журн.: Отечественные записки. 1840, № 7/8, отд. VI. Библиографическая хроника, разд. II. Иностранная литература, с. 11, 28. Ученик Сенковского П. С. Савельев пишет даже своего рода апологию Гульянову (*Савельев П. С. Иероглифы. — Северное обозрение. 1849, № 5, с. 461–487*). Но совершенное незнание предмета делает Савельева, конечно, плохим судьей.

⁵³ Об этом см.: *Brugsch H. Reise der kgl. Preussischen Gesandtschaft nach Persien, 1860–1861. Bd. 1. Lpz., 1862, с. 86.*

Надо сказать, однако, что в этот период основные библиотеки научных учреждений Петербурга (Публичная библиотека, Азиатский музей, Эрмитаж, Университет, Академия наук) комплектуются трудами по египтологии, несмотря на то, что в этой области в России никто не работает. Когда необходима консультация египтолога, обращаются к иностранным ученым. Так поступил хранитель египетской коллекции Эрмитажа барон Кёне с эрмитажной коллекцией и коллекцией Монферрана, адресовавшись к де Руже. А Публичная библиотека в 1862 г. поручила описание коллекции египетских и коптских рукописей Бругшу⁵⁴. К нему же обратился и Эрмитаж: неловко было эксплуатировать одного де Руже.

Самостоятельно составленные описания коллекций (без помощи зарубежных ученых) сводятся к простой классификации предметов (статуэтка, стела, папирус), в лучшем случае с указанием материала (в общих словах, разумеется: камень, дерево и т. п.) и размеров. Таково выполненное К. Герцем описание собрания московского Публичного и петербургского Румянцевского музеев⁵⁵. Для египтолога, однако, и они драгоценны, так как дают материал по истории памятников.

При необходимости в тексте коснуться египетской тематики составители либо пересказывали западных ученых, либо переводили их труды. Переводы, впрочем, сохраняли значение и в период, когда появилась собственная египтология. Оригинальные (в смысле не перевод, а хотя бы пересказ) труды могли быть только по искусству, на первый взгляд не требующему знания языка.

В 1851 г. видный историк античности М. С. Куторга путешествует по Египту и вывозит оттуда древности⁵⁶. Еще в 40-х годах в Египет был командирован врач-эпидемиолог А. А. Рафалович, напечатавший подробный отчет о своей поездке в Нижний Египет, обыкновенно не посещавшийся туристами⁵⁷. Отчет содержит сведения и о древностях края, но он без рисунков и копий надписей.

И Рафалович собирает небольшую коллекцию древностей, которую передает Одесскому музею. Страсть к реорганизации не обошла и Одессу. С 1839 г. наряду с Городским музеем там существует Музей Общества истории и древностей. С 1858 г. оба музея сливаются в один — Музей Общества⁵⁸.

На середину века приходится и деятельность Порфирия Успенского, видного историка церкви, интересовавшегося национальной церковью Египта — коптской. Впрочем, его интересы уже вне рамок темы настоящего издания. Отметим лишь одну сторону деятельности Успенского — собирание египетских древностей и коптских манускриптов. Его коллекции поступили в петербургские музеи и Киев⁵⁹.

Собрание коптских рукописей Публичной библиотеки обогатилось дарениями К. Тишендорфа. Профессор Лейпцигского университета, много путешествовавший по Востоку, он главное внимание уделял приобретению греческих и коптских рукописей. За помощь, оказанную им России в деле приобретения для Публичной библиотеки одного из древнейших и наиболее полных списков (открыт Порфирием Успенским) греческого перевода Библии (так называемого Codex Sinaiticus, продан в 1930-х годах в Британский музей), он получил русское дворянство. Часть его коптского собрания поступила в Публичную библиотеку⁶⁰. Египетские предметы из его коллекции были куплены для Египетского музея Академии наук.

⁵⁴ *Brugsch H.* Catalogue des manuscrits égyptiens de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. Manuscrits hiératiques. Manuscrits copies. В., 1862.

⁵⁵ *Герц К.* Каталог скульптурного отделения Московского публичного музея. М., 1866.

⁵⁶ *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников..., с. 132–133.

⁵⁷ *Рафалович А. Л.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850.

⁵⁸ См.: *Доконт Н. Г.* Древнеегипетские памятники..., с. 208.

⁵⁹ *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников..., с. 191.

⁶⁰ Различают лейпцигскую и петербургскую коллекции.